

**АЛЬМАНАХ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

№ 3 (3) 2007

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЖУРНАЛ
ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ**

ТЕМА НОМЕРА:

**«Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии
и методика преподавания языка и литературы»**

Часть III

Редакционная коллегия:

ответственный редактор – к.ф.н. Арестова А. А.

ответственный секретарь – к.п.н. Рябцева Е. В.

Альманах современной науки и образования [Текст]. Тамбов: «Грамота», 2007, № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. В 3 ч. Ч. 3. - ISSN 1993-5552.

Материалы журнала содержат статьи, посвященные теоретическим и прикладным аспектам актуальных проблем языкознания и литературоведения и методике преподавания языка и литературы в плане сравнительно-исторического изучения и современных подходов. Представленные в журнале статьи будут интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-27697 от 4 апреля 2007 г.

ISSN 1993-5552

© Издательство «Грамота»

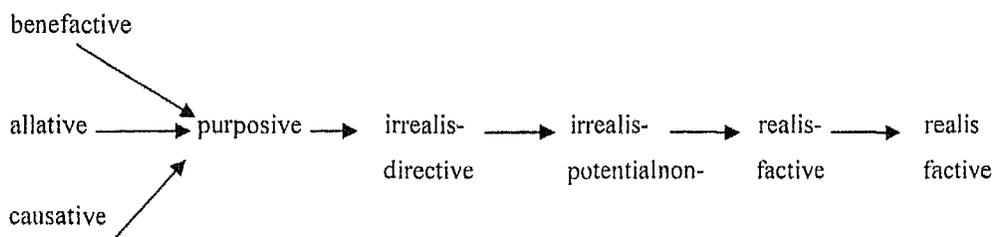
3. Сводный словарь современной русской лексики. В 2 тт. / Под ред. Р.И. Рогожниковой. - М., 1991.
4. Словарь русского языка: В 4 тт. 2-е изд., испр. и доп.- М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС-2).
5. Словарь современного русского литературного языка: В 20 тт. 2-е изд. - М.: Русский язык, 1991. Т. I-VI. (ССРЛЯ).
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт.- М.-Л., 1950-1965.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М., 1996. (СУ)

ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ ГРУПП ПРИ ГЛАГОЛАХ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Мерзлякова Н. П.
Удмуртский государственный университет

В современном немецком языке наряду с «классическими» модальными глаголами выделяется довольно большой класс глаголов модальности (*Modalitätsverben*). Это глаголы с модальным значением, сочетающиеся с инфинитивом посредством частицы *zu*. Класс глаголов модальности достаточно широк и разнороден, при этом семантически и синтаксически разнородны не только сами глаголы, но и сочетающиеся с ними инфинитивные группы.

В древневерхненемецком языке инфинитивная частица *zu* имела исключительно значение цели. Однако в последствии частица *zu* стала по аналогии употребляться при других инфинитивах. Такое распространение привело к утрате финального значения и формализации инфинитивной частицы до такой степени, что понадобился дополнительный маркер значения цели, которым стала частица *um* [Москальская 1965: 117]. Древнеанглийский предложный инфинитив, представляющий форму дательного падежа с предлогом *to*, также имел значение цели, и лишь в конце ранневоанглийского периода, когда инфинитив совпал с некоторыми личными формами глагола и стал нуждаться в особом морфологическом показателе, частица *to* закрепляется как морфологический показатель инфинитива, утратив первоначальное значение цели [Пушина 2006: 264]. М. Хаспельмат утверждает, что финальный характер, присущий уже отглагольному существительному, к которому восходит инфинитив, в различной степени представлен в современных инфинитивных конструкциях. Этот финальный характер *zu*-инфинитива выражается также и в том, что в роли маркера инфинитива выступает именно частица *zu* (в английском *to*) [Цит. по Holl 2001: 231]. Лингвист показывает, что существуют различные классы инфинитивных групп, которые можно представить как стадии на пути грамматикализации [Цит. по Holl 2001: 232]:

Наиболее важным в данной теории является утверждение, что существуют инстанции *zu*-инфинитива, которые удалены от финального значения на разные расстояния [Holl 2001: 232]. «Ирреально-директивной модальностью» обладают инфинитивные группы глаголов просьбы, требования и приказа, а также глаголов желания. Здесь значение ожидания реализации определенного события в ближайшем будущем еще сохраняет центральную позицию. «Ирреально-потенциальная модальность» присуща, согласно М. Хаспельмату, инфинитивным группам, сочетающимся с модальными глаголами возможности, необходимости, а также модальными глаголами со значением оценки. Как и в случае с ирреально-директивными *zu*-инфинитивами, в данном случае действие, выраженное инфинитивом, остается не реализованным. Однако и ожидание реализации данного действия отсутствует, скорее действие представлено как потенциально происходящее когда-либо [Цит. по Holl 2001: 232]. Как показывает график, возможны также «реальные модальности» *zu*-инфинитива, в рамках которых инфинитив выражает действие, о котором с определенной долей вероятности можно судить как о реально свершившемся или совершающемся. При этом различаются не-фактивные (*Er glaubte, Anna gesehen zu haben*) и фактивные (*Er bedauerte Anna gesehen zu haben*) модальности [Holl 2001: 233].

Таким образом, все глаголы модальности можно соответственно разделить на четыре группы согласно модальности сочетающегося с ними *zu*-инфинитива. В самом деле, определенные М. Хаспельматом виды модальности не могут быть приписаны *zu*-инфинитиву, не связанному с финитным модальным глаголом. Такое деление в определенной степени условно, поскольку семантика глаголов модальности современного немецкого языка очень разнообразна и не всегда легко интерпретируема. Тем не менее, классификация глаголов в соответствии с модальностью *zu*-инфинитива позволяет прояснить ряд других проблем, связанных с синтаксической формой предложения и трансформационным потенциалом конструкции.

К группе глаголов, обуславливающих ирреально-директивную модальность *zu*-инфинитива, мы относим глаголы со следующими значениями: 1) желания (*wünschen, begehren*); 2) надежды и ожидания (*hoffen, er-*

warten, versprechen); 3) намерения (*sich anschicken, beabsichtigen, beschließen, einfallen, sich entscheiden, sich entschließen, erwägen, gedenken, planen, übereinkommen vorhaben, sich vornehmen*); 4) опасения (*fürchten, befürchten, drohen*); 5) стремления, старания (*sich anstrengen, sich abmühen, sich beeilen, sich bemühen, streben*); 6) попытки (*suchen, versuchen*). Инфинитивные группы всех вышеперечисленных глаголов выражают нереализованное действие, при этом ожидание реализации названного действия в ближайшем будущем является центральным значением. То есть, действие, выраженное инфинитивом, является последующим по отношению к действию, выраженному матричным глаголом. Такие инфинитивные группы могут быть трансформированы в придаточное предложение, вводимое союзом *dass*, если позволяет характер дистрибуции матричного глагола. При этом в придаточном предложении может быть использован как футурум так и презенс: *Er hoffte, dass er bald zurückkommt/zurückkommen wird*. Инфинитивные группы глаголов стремления на наш взгляд наиболее близки к финальному значению и в ряде случаев даже могут быть трансформированы в инфинитивную конструкцию с *um*: *Er hat sich sehr angestrengt, um seinen Gästen einen schönen Abend zu bieten*.

Ко второй группе относятся глаголы, вызывающие ирреально-потенциальную модальность инфинитивной группы. Таковыми являются глаголы модальности со значением: 1) возможности (*vermögen, bekommen, finden, es gibt, sein*); 2) умения (*verstehen, wissen*); 3) необходимости (*es bleibt, brauchen, gelten, haben, sein, es gibt*); 4) привычки (*sich angewöhnen, neigen, pflegen, lieben*); 5) вневременной эмоционально-субъективной оценки (*lieben, hassen, interessieren, vorziehen*); 6) решимости/нерешимости (*sich genieren, sich hüten, säumen, sich schämen, sich scheuen, sich trauen, wagen, zögern*); 7) пользы (*lohnem, nützem*); 8) успешности действия (*gelingen, glücken*). Особенностью глаголов данной группы является значение нереализованности действия и отсутствие ожидания его реализации. В данном случае нецелесообразно говорить о действии, выраженном инфинитивом как о предшествующем, одновременном или последующем по отношению к моменту речи, здесь инфинитив ближе к существительному, нежели к глаголу. По той же причине инфинитивную группу нельзя заменить придаточным предложением, вводимым союзом *dass*, ведь в таком случае необходимо было бы выбрать временную форму глагола в придаточном предложении: **Ich hasse es, dass ich vor der Klasse rechne / gerechnet habe*. Сложность идентификации глаголов данной группы заключается в том, что в немецком языке один и тот же глагол может выступать как глагол совершенного и несовершенного вида. В случае если глагол обозначает не совершенное действие, инфинитивная группа обладает ирреально-потенциальной модальностью (при классификации мы рассматривали именно такой случай). Если же глагол выражает совершенное действие, то соответственно *zu*-инфинитив обладает реально-фактивной модальностью. Очевидным такое различие становится при переводе:

Im Frühling ziehe ich vor, viel zu Fuß zu gehen. - Весной я **предпочитаю** много ходить пешком.

Heute zog er vor, zu Hause zu bleiben. - Сегодня он **предпочел** остаться дома.

Свойством такого двоякого употребления обладают в основном глаголы со значением решимости/нерешимости и успешности действия.

Третья и четвертая группы глаголов объединены тем, что инфинитивная группа выражает реальное действие, совершившееся или совершающееся в данный момент. К группе глаголов, определяющих реально-нефактивную модальность инфинитивной группы, относятся 1) глаголы со значением кажимости, видимости (*glauben, scheinen*); 2) ментальные глаголы (*sich einbilden, meinen*); 3) глагол речи *vorgeben*. То есть, реальность действия существует лишь в сознании субъекта, либо (как в случае с глаголами речи) субъект выдает действие за реальное. К группе глаголов, определяющих реально-фактивную модальность *zu*-инфинитива, относятся 1) глаголы со значением сиюминутной субъективно-эмоциональной оценки (*sich ärgern, sich freuen, bedauern, bereuen, sich wundern*, сочетания *es tut gut, es tut leid, es beschämt*); 2) глаголы речи (*behaupten, beteuern, versichern*); 3) глаголы признания (*gestehen, eingestehen, zugeben*); 4) глагол *sich erinnern*. К этой же группе могут относиться глаголы со значением решимости/нерешимости и успешности действия, о чем уже говорилось выше. Не однозначными являются и глаголы речи, которые, строго говоря, не являются фактивными глаголами. В зависимости от контекста реальность действия может быть как фактической, так и выдуманной говорящим. В семантике глагола *vorgeben* компонент обмана присутствует неизменно. Другие же глаголы допускают истинность сказанного.

Реальная модальность инфинитивной группы влияет на синтаксическую структуру и трансформационные возможности предложений с глаголами модальности третьей и четвертой групп. Поскольку действие, выраженное инфинитивом, может предшествовать действию, выраженному матричным глаголом, то глаголы третьей и четвертой групп сочетаются с инфинитивом вторым (*Sie bereute es jetzt aber, keinen Mantel angezogen zu haben*), что является их характерной особенностью. Кроме того, инфинитивные группы реальной модальности могут трансформироваться в придаточные предложения, вводимые союзом *dass*, если позволяет характер дистрибуции матричного глагола. В таком придаточном предложении в данном случае соответственно будут употребляться формы прошедшего или настоящего времени.

Таким образом, мы видим, что при всей разнообразности и разнородности глаголов модальности в современном немецком языке (в настоящей работе не рассматриваются сочетания типа *sein + Adjektiv (Partizip) + zu + Inf.*, представляющие не менее многочисленный класс глаголов модальности) все же возможна классификация, позволяющая выявить как семантические, так и синтаксические особенности самих глаголов и сочетающихся с ними инфинитивных групп.

1. Москальская О.И. История немецкого языка. - М., Л.: Просвещение, 1965. - 280 с.
2. Пушина Н. И. Неличные формы глагола в ономастологическом и когнитивном аспектах // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. - Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006 - С. 261-273.
3. Holl D. Was ist modal an Modalen Infinitiven? // Modalität und Modalverben im Deutschen. - Hamburg: Buske, 2001. - S. 217-238.

МИФОЛОГЕМА *ЕВРОПА* В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТВИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Милевич Инга Г.

Даугавпилсский университет, Латвия

Концепт «Европа» нередко служила объектом исследования с различных позиций, о чем, в частности, свидетельствует разнообразие дефиниций - метафора, метонимия, референтная группа, мифологема. В своем исследовании мы обратимся к процессам мифологизации и метафоризации концепта в современных публицистических дискурсах. Материалом исследования послужила латвийская газета *Час* (2005-2007 гг.), выходящая на русском языке, т.е. отражающая и создающая концепт прежде всего для русскоязычного населения Латвии.

В рассматриваемом издании наибольший удельный вес концепта принадлежит политическому дискурсу, чему есть объективные причины: «расширение ЕС от 15 до 25 стран-участниц был уникально политизированным процессом» [Deksnis 2004: 11]. Исследования показывают, что политическом дискурсе публицистики Латвии реализуются различные коммуникативные стратегии, в частности, стратегии приближения, так и отчуждения [см. Милевич 2005].

Наблюдения показывают, что мифологема «Европа» реализуется в разнообразных метонимических и метафорических традиционных обозначениях в самых разных дискурсах. Напр., спорт: *Женская сборная начала готовиться к Европе.* (*Час*. 30.06.2005.); география: *Европа продолжает изнывать от жары.* (*Час* 06.07.2005.); геополитика: *Европа заглянула в наши кладовые... и решила наказать запасливых хозяев. ...Латвии грозит евроштраф, причем немаленький - миллионов 10-20 - за созданные до вступления в Европейский союз запасы продуктов питания.* (*Час*. 09.07.2005.) Обозначение стран-участниц ЕС обычно также традиционное метонимическое. Напр., *Дания, Португалия и Ирландия заявили о переносе на неопределенное время своих национальных референдумов, а Швеция объявила, что не ратифицирует основной закон ЕС до тех пор, пока Франция и Нидерланды не проведут повторные референдумы, что маловероятно.* (*Час*. 20.06.2005.)

О процессе мифологизации свидетельствует прежде всего диффузность исходного значения номинации. «В зависимости от контекста под имя *Европа* попадают все европейские страны, либо страны Западной Европы, военный блок НАТО, либо Европейский Союз» [Клочко 2005: 175]. Это объясняет тот факт, публицистический дискурс характеризуется заменой узких (конкретная комиссия, Европарламент) семантически более диффузным *Европа*. Напр., *Европа спорит о деньгах.* (*Час*. 11.06.2005.); *Европа простила нам газ и электричество.* (*Час*. 07.07.2005.) Нередко в лиде статьи дается более точное указание, какую именно институцию обозначает «Европа»: *Европа вмешиваться не будет. Еврокомиссия не намерена вмешиваться в переговорный процесс между Латвией и Россией по вопросу о подписании договора о границе.* (*Час*. 02.05.2005.); *Европа не поддержала радикалов. Европарламент, вероятнее всего, не станет в ближайшее время рассматривать проект декларации с прямым призывом к России признать советскую оккупацию стран Балтии...* (*Час*. 18.06.2005.) Кроме того, диффузность значения мифологемы способствует возникновению различных контекстуальных оппозиций. Напр., противоположные оппозиции - *Европа=мы: Латвии же, точнее Евросоюзу, договор о границе с Россией нужен сегодня. И вряд ли Россия пойдет на новые уступки. Она уже и так многое уступила Европе и сейчас находится на этапе укрепления и возвращения позиций крепкой державы.* (*Час*. 12.05.2005.) и *Европа=они: Европа хочет с нами судиться: Европейская комиссия начала судебный процесс против Латвии и еще десяти государств ЕС - они не выполнили ее требований в сфере электронных средств связи. Государству и телекоммуникационной отрасли тяжба ничего хорошего не сулит.* (*Час*. 08.07.2005.) Подобные противопоставления и сопоставления *мы* и *они* создают условия для возникновения разнообразных типов метафор с соответствующими оценочными векторами.

Н. Клочко рассматривает один из типов метафор, характеризующую концепт «Европа» - антропоморфную. «Полнос положительного образован предикатами, описывающими в образной форме концепт «Западная Европа». Через призму категории «личность» ей приписываются физическое и психическое здоровье, социальная активность, альтруизм, здоровый рационализм, интеллигентность... Полнос негации соотнесен с «проблемным» для «большой» Европы балтийским регионом. Последний представлен лингвистически мощно в силу несоответствия современным коллективным представлениям о демократичности и гуманизму - основных составляющих современного цивилизованного общества. Балтия, прежде всего Латвия, в русле антропоморфной метафоры рисуется как личность с весьма ограниченным кругозором, политизированная и агрессивная, изворотливая, непостоянная, страдающая комплексами неполноценности» [Клочко 2005: 187].